

Н. Н. Брешко-Брешковский

Борьба титанов

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. Н. Брешко-Брешковский**
Борьба титанов / Н. Н. Брешко-Брешковский – М.: Книга по Требованию,
2015. – 120 с.

ISBN 978-5-519-19813-4

Авантюрный роман. Репринтное издание по технологии Print-on-demand
с оригинала 1933 г.

ISBN 978-5-519-19813-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

валь себѣ труда таить чувство, которое внушала ему Бурзи однимъ видомъ своимъ.

Баронъ ревновалъ Гальса къ Ковандѣ: Гальсъ довѣрялъ Ковандѣ то, чего не довѣрялъ не только Бурзи, а и всѣмъ остальнымъ секретарямъ своимъ. Баронъ сочинялъ про Кованду всякія пакости: онъ, де, старѣющій жиголо, а въ иностранномъ легіонѣ убивалъ и грабилъ арабскихъ шейховъ. Чего только еще не выдумала клеветническая фантазія барона?

— Гдѣ господинъ Гальсъ?

— Кажется здѣсь, — отвѣтилъ Бурзи, играя монноклемъ и вихляя жиденькимъ узкоплечимъ торсомъ.

— Точнѣе, Бурзи, точнѣе, чертъ побери! Никакихъ, кажется! Гдѣ господинъ Гальсъ?

— Пардонъ, я не солдатъ иностраннаго легіона, чтобы въ такомъ стилѣ разговаривали со мной.

— Слишкомъ большая честь для васъ мундиръ иностраннаго легіона, — и, не договоривъ, Кованда обратился къ проходившему лакею:

— Огюсть, гдѣ господинъ Гальсъ?

— Господинъ Гальсъ въ манежъ...

Нѣсколько лѣтъ назадъ Гальсъ купилъ этотъ особнякъ у разорившагося графа де Кастелясь. За шесть милліоновъ франковъ Гальсъ получилъ дворецъ, со всѣмъ его убранствомъ, со всѣми картинами и даже съ двумя фигурами въ желѣзныхъ рыцарскихъ доспѣхахъ.

Эти рыцари стояли на стражѣ у широкой лѣстницы, ведущей изъ холла въ первый этажъ.

Графъ де Кастелясь вывезъ изъ особняка витрину съ треуголкой, орденами, шпагою и маршалскимъ жезломъ своего дѣда, крупнаго военнаго сановника Второй имперіи. Вывезъ еще нѣсколько фамиліальныхъ портретовъ плюсъ свой собственной кисти Больдини. Знаменитый флорентинецъ написалъ графа въ ту далекую пору, когда самъ Больдини гремѣлъ и въ Старомъ и въ Новомъ Свѣтѣ, а де Кастелясь былъ кумиромъ женщинъ и законодателемъ мужскихъ модъ.

Портретъ де Кастеляса всегда висѣлъ рядомъ съ портретомъ его предка въ красномъ камзолѣ и въ

синеватомъ пудренемъ парикъ. Разительно было сходство между потомкомъ и предкомъ. Когда графу говорили объ этомъ, старикъ улыбался улыбкою версальскаго петиметра:

— Что-жь, его величество король Испаніи Альфонсъ XIII — двойникъ Филиппа IX, а, вѣдь, больше трехъ вѣковъ легло между ними.

Второстепенные портреты второстепенныхъ предковъ графъ великодушно предлагалъ, новому владѣльцу особняка оставить у себя.

Гальсъ поблагодарилъ и отказался.

— Я не изъ тѣхъ нуворишей, которые ищутъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ по антикварнымъ магазинамъ.

— Господинъ Гальсъ, вы сами свой предокъ! — нашелся старосвѣтскій и галантный де Кастелясъ.

Раньше Гальсъ какъ-то не замѣчалъ ни своего одиночества въ этомъ дворцѣ, ни своей затерянности въ немъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ имъ овладѣлъ образъ Свѣтика, и одиночество и затерянность давали себя знать на каждомъ шагу. Это и было одной изъ причинъ его бѣгства въ отель.

Гальсъ утѣшалъ себя: скоро, черезъ какихъ-нибудь три мѣсяца оживетъ дворецъ, украсится присутвіемъ той, которая никогда больше его не покинетъ.

Вчера, или вѣрнѣе уже сегодня, почти на зарѣ, когда Гальсъ послѣ ужина завезъ Свѣтика на авеню Альфонсъ XIII, они простились у подъѣзда, простились на долго. Утромъ черезъ нѣсколько часовъ Свѣтикъ вмѣстѣ съ герцогинею Димонтевердэ умчится на ея автомобилъ по направленію къ Віареджіо.

Дворецъ Гальса всѣмъ темно-сѣрымъ каменнымъ массивомъ своимъ уходилъ въ тѣнистый, съ вѣковыми деревьями, садъ, а въ глубинѣ сада — небольшой легкаго павильоннаго стиля манежъ. Каждое утро Гальсъ посвящалъ 20—30 минутъ верховой ѣздѣ. Ради такихъ короткихъ прогулокъ не стоило выѣзжать въ Булонскій лѣсъ. Да и, кромѣ того, показись

онъ только въ аллеяхъ, отбою не будетъ и отъ фотографовъ, и отъ журналистовъ, и отъ знакомыхъ.

Кованда быстро шелъ по усыпанной гравіемъ дорожкѣ, подъ густой тѣнью мощно раскинувшихся липъ. Онъ уже отцвѣли, но медвянымъ ароматомъ ихъ насыщенъ былъ утренній солнечный воздухъ.

Въ манежѣ только двое — Гальсъ, вздвигшій короткимъ галопомъ на своей рыжей англійской кобылѣ и берейторъ — русскій генераль съ типичной кавалерійской внѣшностью. Ловкій, упругій въ движеніяхъ, онъ былъ чрезвычайно моложавъ для своихъ шестидесяти лѣтъ. Вся служба его заключалась въ томъ, чтобы не давать застаиваться рыжей кобылѣ Джильдѣ. За это, вѣрнѣе за то, что генераль, просидѣвъ девять мѣсяцевъ въ чрезвычайкѣ, отказался быть инспекторомъ красной конницы, онъ получалъ у Гальса двѣ тысячи франковъ въ мѣсяцъ.

Увидѣвъ Кованду и по лицу его угадавъ, что онъ здѣсь не спроста, Гальсъ перевелъ Джильду въ шагъ и движеніемъ головы подозвалъ секретаря.

— Дѣло исключительной важности, — тихо сказалъ Кованда, поравнявшись съ всадникомъ.

Гальсъ однимъ прыжкомъ соскочилъ съ сѣдла.

— Генераль, будьте добры, — поручилъ онъ берейтеру свою лошадь и бросилъ Ковандѣ — пожалуйста за мной!

Они вышли въ садъ.

— Въ чемъ дѣло?

Убѣдившись, что по близости никого нѣтъ, Кованда сказалъ:

— Матео сегодня уѣзжаетъ на Яву.

— Зачѣмъ?

Кованда коротко, — ни единого лишняго слова, — объяснилъ, зачѣмъ.

Гальсъ внимательно слушалъ, похлопывая стѣчкомъ по мягкимъ голенищамъ желтыхъ сапогъ своихъ.

— Задумано не плохо. Но только задуманное Матео-Пашою осуществить Гальсъ!

Кованда, самъ человекъ рѣшительный, отдавалъ

должное Гальсу, его желѣзной волѣ, но и онъ, Кованда, растерялся.

— Какъ?

— Очень просто! Я долженъ опередить Матео и на нѣсколько дней раньше его очутиться на Явѣ. И тогда побѣда за мною! Вице-король Голландской Индiи мой другъ.

— Опередить?

— Да, да. Но конечно не по землѣ и не по водѣ, какъ онъ, а по воздуху. И мы оставимъ въ великолѣпныхъ дуракахъ этого левантинца. Кованда, вы сегодня-же летите въ Германию и заказывайте мнѣ „Цепеллинъ“. Въ сорокъ восемь часовъ онъ долженъ быть готовъ къ отлету на Зондскіе острова. Послѣ завтра я прибуду въ Берлинъ... Поняли?

— Понялъ господинъ Гальсъ.

— Кто, куда, зачѣмъ, все подѣ знакомѣ строжайшей тайны! А вамъ, Кованда, сто-тысячная премія, удвоенное жалованіе и одно-процентное участіе въ нашихъ будущихъ нефтяныхъ станціяхъ.

— О, господинъ Гальсъ!

— Не благодарите! Я долженъ васъ благодарить. А сейчасъ ко мнѣ въ кабинетъ. Я вамъ дамъ послѣднія распоряженія и чековую книжку на „Нѣмецкiй банкъ“...

XX.

Пятнадцать писемъ.

Гальсъ до встрѣчи со Свѣтикомъ, вообще, никогда не писалъ любовныхъ писемъ, а въ своемъ громадномъ дѣловомъ кабинетѣ и подавно. Все въ этомъ кабинетѣ осталось, какъ было при графѣ де Кастелясь, — тѣ же картины, та-же мебель, все за исключеніемъ письменнаго стола. Промышленный и финансовый Парижъ зналъ этотъ письменный столъ, сдѣланный по вкусу Гальса.

Чѣмъ больше столъ, тѣмъ безпомощнѣе чувству-
еть себя сидящій за нимъ. Приходится вставать,
дабы съ того или иного конца взять то или другое.
Маленькій же столъ мало вмѣщаетъ, да и не солидно
какъ-то. Гальсъ примириль обширную площадь стола
съ возможностью, не двигаясь, пользоваться всѣмъ:
его столъ имѣлъ форму правильного полукруга съ
такимъ же правильнымъ полукруглымъ вырѣзомъ.
Нѣчто вродѣ очень широкой гигантской подковы.
Въ „вырѣзѣ“ помѣщалось кресло. Стоило Гальсу про-
тянуть руку и къ его услугамъ и сложная телефонная
сѣтъ, и письменныя принадлежности, и папки съ дѣ-
лами, и тяжелые тома справочниковъ. По примѣру
Гальса нѣкоторые большіе дѣльцы обзавелись такими
же столами, частью изъ удобства, частью изъ сно-
бизма.

Отпустивъ Кованду, устремившагося съ чемода-
номъ и чековою книжкою прямо на аэродромъ,
Гальсъ приказаль не беспокоить его ни докладами,
ни по телефону. Разобщившись часа на три съ внѣш-
нимъ миромъ, написалъ онъ 15 писемъ, отмѣчая каж-
дое числомъ слѣдующаго дня и ставя нумерацію на
конвертахъ: первое, второе, третье и т. д.

Если нѣтъ мужды говорить кому были адресо-
ваны эти письма, то необходимо прибавить, что каж-
дое изъ нихъ дышало глубокимъ чувствомъ, поэзіей
и мечтами о будущемъ, „ихъ будущемъ“..

Въ первомъ письмѣ Гальсъ сообщаль Свѣтику:
онъ вынужденъ внезапно покинуть Парижъ на двѣ
недѣли. Это путешествіе исключаетъ возможность
писать съ дороги, но жажда постоянно твердить о
своей любви такъ велика, что каждый день она бу-
детъ получать тамъ, у себя въ Віареджіо, его очере-
дое письмо. И пусть она сама каждый день отвѣ-
чаетъ ему, чтобы, вернувшись он засталъ цѣлую гру-
ду писемъ. Онъ залпомъ проглотитъ ихъ, не отры-
ываясь. Или, нѣтъ, по ея-же системѣ. Прежде чѣмъ
распечатать каждое письмо, онъ будетъ терзать себя
сладостной мукой ожиданія...

Пусть она думаетъ о немъ, пусть она помо-

лится иногда за его успѣхъ, общій ихъ успѣхъ, передъ маленькой почернѣвшей иконкою — материнскимъ благословеніемъ, съ которой она никогда не разстается.

Заклеивъ послѣднее письмо, Гальсъ потребовалъ къ себѣ барона.

Бурзи вошелъ не только со вспотѣвшей лысиной, но и со вспотѣвшимъ моноклемъ. Его лихорадуло, его трясла ненависть къ Ковандѣ. Онъ угадывалъ что-то большое и необычайное, и въ это большое и необычайное посвященъ одинъ лишь Кованда, а онъ Бурзи ничего не знаетъ и ничего не можетъ сообщить уѣзжающему сегодня вечеромъ Матео-Пашѣ.

Даже Гальсъ въ своемъ всепоглощающемъ эгоизмѣ влюбленнаго, даже онъ замѣтилъ:

— Что съ вами Бурзи? Вы больны?

— Боленъ?! Нѣтъ, хотя немножко, спалъ съ открытымъ окномъ, слегка продуло. Но это пустяки! Что прикажетъ господинъ Гальсъ?

— Я уѣзжаю на двѣ недѣли.

— Куда?— чуть не сорвалось съ болтливаго языка, но Бурзи во время задержался. Гальсъ терпѣть не можетъ подобныхъ вопросовъ. Да и самъ пошелъ навстрѣчу его любопытству:

— Уѣзжаю въ Трамонтанію. Надо серьезно поговорить съ Сальваторомъ объ укрѣпленіи восточной границы. Иначе большевики легко могутъ занять всю Трамонтанію.

— Господинъ Гальсъ прикажетъ готовиться къ отъѣзду?

— Вы останетесь. Вы мнѣ здѣсь нужныѣ.

— Какъ вамъ будетъ угодно.

— Бурзи, эти пятнадцать писемъ, начиная съ завтрашняго дня, въ порядкѣ ихъ нумераціи, вы каждое утро будете отправлять въ Віареджію княгинѣ Зацѣпиной-Горской. Каждое утро, слышите!

— Положитесь на меня, господинъ Гальсъ, все будетъ исполнено аккуратнѣйшимъ образомъ!

— Очень прошу, не перепутайте порядка.

— Что вы, что вы, Боже упаси, господи́нь Гальсы!..

— Съ такимъ-же вниманіемъ накапливайте всю частную корреспонденцію къ моему возвращенію. Наградю вамъ будетъ мѣсячный отпускъ съ тройнымъ содержаніемъ..

— Господи́нь Гальсъ, мнѣ право совѣстно, за такіе пустяки и, — такая милость!

— Для меня это не пустяки, — значительно возразилъ Гальсъ.

Баронъ покинулъ кабинетъ съ пріятнымъ сознаніемъ: письма, которыя онъ уноситъ -- капиталъ для него.

Онъ позвонилъ левантинцу, тотъ вызвалъ его на свою конспиративную квартиру на бульварѣ Малезербъ

Человѣкъ Востока, да еще выросшій при дворѣ Абдуль Гамида, онъ питилъ слабость къ конспираціи, къ интригамъ, къ коварству. Это уживалось въ немъ съ любовью къ картинамъ великихъ мастеровъ.

— Гдѣ письма? — встѣтилъ Матео-Паша барона.

— Здѣсь, — похлопалъ баронъ по боковому карману пиджака.

— Давайте!

— Въ обмѣнъ на чекъ?

— Сколько вы хотите?

— По 20.000 тысячъ за каждое. Это сдѣлаетъ въ общемъ 300.000 франковъ.

— Дорого! — приподнял левантинецъ свои широкія брови.

— Матео-Паша, мы съ вами оба слишкомъ цѣнимъ Гальса, чтобы дешево расцѣнивать его автографы.

— Я согласенъ съ вами, но все-таки дорого! Давайте такъ: если я найду кое что посерьезнѣе, чѣмъ сантиментальный вздоръ старѣющаго нефтяника, я заплачу вамъ 300.000.

— Не могу, честное слово, Паша, не могу! Я, извините меня, продамъ мой товаръ, только нераспеча-

таннимъ. Я увѣренъ, вы тамъ найдете кое-что и помимо объясненій въ любви. Но я не настаиваю. Если мои условія не подходятъ я буду отсылать письма по ихъ адресу.

Матео-Паша вынулъ чековую книжку.

Во первыхъ, надо неуклонно осуществлять планъ разъединенія княгини съ Гальсомъ, а во вторыхъ, быть можетъ изъ этихъ писемъ онъ узнаеть, ради чего Гальсъ такъ таинственно покидаетъ Парижъ. Въ Трамонтанію левантинецъ не вѣрилъ. Тамъ у Гальса налажено все, и тамъ ему нечего дѣлать.

Бурзи бережно спряталъ чекъ Матео-Паша распечаталъ первое письмо, пробѣжалъ и нервно скомкалъ.

— Осторожная каналья! Даже отъ нея, „горячо любимой невѣсты“, скрылъ куда направляется. Во всемъ этомъ подозрительно слѣдующее, вѣдь, онъ могъ бы съ пути и съ мѣста и телеграфировать и писать. Гдѣ здѣсь зарыта собака? Ничего не понимаю! Хотя можетъ статья, какъ травимый звѣрь, на всякій случай онъ искусно замѣтаетъ слѣды. Если пронюхаете что-нибудь, телеграфируйте мнѣ въ Москву, — я тамъ пробуду день — въ комиссаріатъ иностранныхъ дѣлъ на имя Литвинова. Да, что же фотографъ?

— Вчера выѣхалъ въ Віареджіо.

— Смотрите-же, побольше компрометантныхъ снимковъ!..

— Будьте спокойны, положитесь на меня! Я думаю, къ возвращенію Гальса подберется маленькая, но преппикантная коллекція.

— Смотрите-же! До свиданія, баронъ. Черезъ три мѣсяца!

— До свиданія, Паша, счастливой дороги и желаю вамъ полнаго успѣха, а на меня положитесь, буду вамъ служить и вѣрою и правдою.

XXI.

Триумфальное путешествие и его финаль.

Проѣздъ Матео-Паши черезъ Совѣтскую Россію походилъ на триумфальное шествіе. Отъ польской границы ему дали роскошный салонъ-вагомъ, въ которомъ ѣздили только самые вліятельные, самые важные „боги“ краснаго Олимпа.

Въ голодной, обнищавшей Москвѣ въ честь Матео-Паши данъ былъ такой обѣдъ и съ такими закусками и винами — въ Парижѣ на официальныхъ обѣдахъ левантинецъ не встрѣчалъ ничего подобнаго!

Въ казенной совѣтской печати, казенныя совѣтскія перья возносили до небесъ знатнаго гостя, пѣли ему дифирамбы. О томъ, что онъ былъ одной изъ крупнѣйшихъ акулъ міроваго капитализма — объ этомъ ни слова!..

Вдоволь было изведено чернилъ и типографской краски для доказательства, что Матео-Паша, не смотря на свое не пролетарское происхожденіе — вѣрный, испытанный другъ всѣхъ трудящихся, а также другъ совѣтской промышленности. А вотъ Гальсъ, эта жадная акула европейскаго капитализма въ остервенѣлой ненависти къ совѣтскимъ рабочимъ и крестьянамъ, намѣренъ удушить вывозъ совѣтской нефти. Долгъ cadaго честнаго революціонера уничтожить этого классового врага, эту капиталистическую гадину. Технически и физически пока это невозможно, а посему къ этому цѣлному псу международныхъ банковъ будетъ условно примѣнена высшая степень наказанія.

И дѣйствительно, въ торжественной обстановкѣ, на кремлевской площади, въ пламени гигантскаго костра было превращено въ пепель чучело Гальса. Съ почетныхъ трибунъ любовались этимъ зрѣлищемъ окружавшіе Матео-Пашу совѣтскіе сановники.

Моментами казалось Матео-Пашѣ, что онъ свидѣтель мучительной казни настоящаго Гальса, живого во плоти и крови. И въ эти моменты жестокое наслажденіе овлаждвало душою левантинца...

Прогостивъ двое сутокъ въ Москвѣ, досыта упившись низкопоклонствомъ и лестью „рабоче-крестьянскихъ вождей“, Матео-Паша со своею секретарско-инженерской свитою двинулся дальше въ томъ же самомъ салонѣ вагонѣ, прицѣпленномъ къ сибирскому экспрессу. Настроеніе было великолѣпное и у левантинца, и у его окруженія. Какимъ-то увеселительнымъ пикникомъ изо дня въ дня пересѣкали загадочную, странную и непонятную Россію, съ такимъ суровымъ великолѣпіемъ Уральскихъ горъ, съ первобытными лѣсами, съ прозрачными рѣками, шириною въ нѣсколько километровъ.

А тамъ, впереди, выхваченная изъ подъ самага носа у Гальса концессія, и какая концессія! Въ нефтяныхъ лѣтописяхъ Америки, Азіи и Европы не было еще ничего равнаго ей по значенію!

Въ глубинѣ Сибири, подъ Иркутскомъ, доставлена была Матео-Пашѣ сводка совѣтскаго радіо. До ужаса лаконически безстрастная: „Янъ Гальсъ, прилетѣвшій на Цепелинѣ, получилъ у вице-короля въ Суранайѣ концессію на нефтяныя станціи на территории Голландской Индіи“.

Матео Паша не могъ двинуться, не могъ произвести ни звука. Имъ овладѣлъ глубокой столбнякъ. Окружающіе сочли это за нервный ударъ. Вся жизнь сосредоточилась въ темныхъ глазахъ, подъ черными мазками широкихъ бровей. Все въ этомъ взглядѣ, и страданіе, и гнѣвъ и посрамленное униженіе.

Дрогнули губы, но ни одно слово не могло сорваться съ нихъ. Поблѣднѣвшая свита растерянно выжидала. Сдѣлавъ чрезвычайное усиліе, Матео-Паша слабо шевельнулъ рукой. Это означало — назадъ!.. Печаленъ былъ весь обратный путь. Это уже не былъ пикникъ. Похудѣвшій, физически ослабѣвшій Матео упорно молчалъ, отстранялъ пищу. Врачъ, многіе годы состоявшій при немъ, то угрозами, то мольбами